

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции
Института филологии и журналистики ННГУ

Выпуск 2

Сборник статей

Нижний Новгород
2024

УДК 82.09
ББК Ш83.3(0)
А 43

Редакционная коллегия:

Е.А. Жданова, Д.В. Марковенков, А.С. Фролова, (зам. отв. редактора)
О.А. Королёва (отв. редактор)

А 43 **Актуальные проблемы филологии и журналистики: Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции Института филологии и журналистики ННГУ. Выпуск 2:** сборник статей / под ред. О.А. Королёвой. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. –169 с.

ISBN 978-5-91326-876-1

Сборник составлен на основе докладов Международной научной студенческой конференции Института филологии и журналистики. В данном сборнике представлены материалы конференции, прошедшей 11 мая 2023 г. в Нижнем Новгороде. Конференция стала научной площадкой по обсуждению актуальных вопросов, касающихся теории и практики современного русского и иностранных языков, русской и зарубежной литературы, истории языка и фольклора, журналистики.

Сборник рассчитан на преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, работников сферы образования.

ISBN 978-5-91326-876-1

УДК 82.09
ББК Ш83.3(0)

© Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Принципы метафорического моделирования мира в повести Б. Шульца «Коричные лавки» (<i>Д.А. Балаклеец</i>)	5
Принцип разграничения вариативности и нарушения валентности имени прилагательного в современном немецком языке (на материале мангеймского корпуса) (<i>А.Б. Борисова</i>)	10
Прагматические функции англицизмов в текстах песен современных польских и русских исполнителей поп-музыки (на примере творчества Sanah И Mary Gu) (<i>К.О. Вахрушева</i>)	17
Эвфемизмы и дисфемизмы в немецкоязычном политическом дискурсе (на материале протоколов Бундестага) (<i>В.А. Воронина</i>)	25
Полиинтерпретативность словообразовательных моделей неологизмов С. Лема (<i>Е.А. Городецкая</i>)	31
Лакуны русского языка (на материале перевода публицистических статей корейского языка медийной тематики) (<i>И.В. Евдокимова</i>)	36
Польское <i>złodziej</i> и русское злодей как мнимые семантические эквиваленты (<i>У.С. Загребина</i>)	44
Методические рекомендации по совершенствованию лексико-грамматических навыков старшеклассников при подготовке к ЕГЭ по английскому языку (<i>И.Е. Калинина</i>)	51
Фразеологические единицы с компонентом <i>serdce/serce</i> в русском и польском языках: структурно-семантический анализ (<i>Д.М. Каменев</i>)	59
Латиноязычная лексика в эпистолярии А.С. Пушкина на примере писем к Н. Гнедичу и П.А. Вяземскому) (<i>А.В. Козырева</i>)	66
«Сказание о первом жительстве монахов...» иеромонаха Исаакия: автобиографические мотивы и традиция (<i>З.А. Корнилов</i>)	72
Утицај слике «Альонушка» Виктора Васнецова на фильм Андреја Тарковского «Огледало» (<i>С. Крстић, С. Живковић</i>)	79
Фреймовое моделирование немецкой лингвоцветовой картины мира (на примере фразеологизмов с колоративным компонентом) (<i>П.С. Лобастеева</i>)	85
Мифологические истоки сказки Джамбаттисты Базиле «Миртовая ветка» (<i>М.М. Максаева</i>)	90
Лексическая объективация и смысловое наполнение концепта 宣传 в китайском языке (<i>М.В. Малеткина</i>)	96
Воплощения образа безумия в пьесе Мартина Макдонаха «Человек-подушка» (<i>И.А. Мальшикина</i>)	101
Архетипические образы в рекламе автомобильных брендов (<i>А.В. Новикова</i>)	108
Образ Италии в поэзии Ипполито Ньево (<i>М.А. Паладиш</i>)	112
Глагольно-именные сочетания с компонентами <i>совершиать / совершить</i> и <i>porębniać / porębnić</i> в современных русских и польских кодексах (<i>Е.А. Пасынкова</i>)	121
Семантико-функциональная характеристика качественных прилагательных (на материале немецкого языка) (<i>Д.Д. Половикова</i>)	128
Особенности перевода конструкций с предлогом <i>przez</i> с польского языка на русский язык (на материале романа О. Токарчук «Путь людей книги») (<i>П.Д. Русских</i>)	132

Особенности адаптации и дистрибуции телепрограмм зарубежных форматов на отечественном медиарынке (на примере программ холдинга Vanija Group) (Т.С. Таюрский)	138
Стилистические средства создания образа автомобиля в немецкоязычном рекламном тексте (А.В. Трифонова)	145
Проблема поиска идентичности в современной китайско-американской прозе (А.Б. Федотова)	150
Каламбур в рекламе (Ю.О. Филипова)	158
Белград и Белградцы Момо Капора (на материале романа «Магија Београда») (Т.А. Фролова)	164

ПОЛЬСКОЕ *ZŁODZIEJ* И РУССКОЕ *ЗЛОДЕЙ* КАК МНИМЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

© У.С. Загребина

Удмуртский государственный университет, магистрант

Научный руководитель: Л.Ф. Килина

к.ф.н., доцент Удмуртского государственного университета

Аннотация: В данной статье представлен анализ особенностей употребления существительных *злодей* и *złodziej* в русском и польском языках. Исследование проводится на материале различных толковых и переводных словарей, также привлекаются данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Цель работы – выявить различия между семантически близкими единицами *злодей* и *złodziej*, рассмотреть варианты их перевода на польский и русский язык соответственно. В ходе исследования были использованы сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа и метод контекстного анализа. Сделан вывод о том, что существительные *злодей* и *złodziej*, несмотря на общее происхождение, являются мнимыми семантическими эквивалентами. У польского *złodziej* есть абсолютный эквивалент в русском – вор, в то время как русское *злодей* обладает более широкой древней семантикой – ‘человек, совершающий злые поступки’. В польском языке отсутствует вариант, точно передающий это значение, поэтому переводчики выбирают тот или иной вариант перевода в зависимости от контекста.

Ключевые слова: польский язык, человек, контекст, значение, перевод

Перевод с одного славянского языка на другой имеет свою специфику, поскольку из-за генетической близости таких языков возникают определенные трудности на разных уровнях: стилистическом, морфологическом, синтаксическом и т.д. В области лексики особой проблемой являются фонетически схожие или тождественные слова, которые в научной литературе называют по-разному: «ложные друзья переводчика» [1], псевдо-аналогонимы [2, с. 252], межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы [3, с. 212] и др. Каждый из данных терминов обозначает наложение семантики одной языковой единицы на семантику другой, вследствие чего текст может приобрести другой смысл. По этой причине переводчик должен уделять особое внимание таким лексическим единицам и понимать, имеют ли они противоположные значения или в их семантике есть общие компоненты.

В польском и русском языках подобные примеры встречаются часто: *środa* (красота) – *urod* (урод), *owoce* (фрукты) – овощи, *dywan* (ковёр) – диван и др. Для нашего исследования мы выбрали польское слово *złodziej* и русское *злодей*, которые можно соотнести как видовое и родовое понятия, т.к. первое пере-

водится как вор, а второе в толковых словарях часто определяется как ‘преступник’. Оба слова состоят из двух общеславянских корней (зъл- и дѣ-), следовательно, можно предположить, что в более ранние периоды развития языков лексемы не различались по семантике. Этот факт подтверждается данными «Большого историко-этимологического словаря польского языка» («Wielki Słownik Etymologiczno-Historyczny Języka Polskiego») и «Словаря русского языка XI–XVII веков»: «Существительное *złodziej* с точки зрения структуры означает того, кто делает зло» [4, с. 746]; злодѣй – ‘тот, кто делает зло, имеет дурные намерения’ [5, с. 21]. В польском языке приведенное выше значение сейчас уже утрачено, слово *złodziej* характеризует конкретный вид зла – воровство. В «Словаре польского языка PWN» («Słownik języka polskiego PWN») (далее – PWN) *złodziej* определяется как ‘ten, kto kradnie’ (букв. тот, кто крадет) [6], это может указывать на то, что кража считалась у поляков «величайшим пороком» [4, с. 746]. В русском же языке сохранилось древнее значение, в «Большом толковом словаре русского языка» первым мы находим следующее определение: ‘тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него; преступник, убийца’ [7]. Такие различия в семантике вызывают некоторые трудности при переводе, т.к. в польском языке нет абсолютного эквивалента русскому существительному *злодей*. В разных переводных словарях мы находим следующие варианты перевода: 1) *złoczyńca*, 2) *zbrodniarz*, 3) *szubrawiec*, 4) *niegodziwiec* [8, с. 234]; 1) *łotr/nikczemnik*, 2) *złoczyńca/zbrodniarz*, 3) *niegodziwiec* [9, с. 258]. С другой стороны, в русском языке вор может обозначаться различными языковыми единицами, которые различаются стилистически. Далее на примерах из русско-польских и польско-русских переводов, представленных в параллельном корпусе Национального корпуса русского языка, мы рассмотрим, какие варианты предлагают переводчики [10].

Существительное *злодей*, обладая более обобщенной семантикой, в русско-польских переводах имеет 9 эквивалентов, из них наиболее употребительным является существительное *łotr*, которое встречается в 17 вхождениях (из 47). В словаре PWN *łotr* определяется как ‘człowiek popełniający czyny haniebne, niegodziwe’ (букв. человек, совершающий постыдные, гнусные поступки) [6], а значит, является достаточно близким по значению русскому слову *негодяй*. Так, в примере (1) из романа Ф.М. Достоевского на это указывают другие существительные, которые стоят со словом *злодей* в однородном ряду:

(1) *И я мог хоть мгновение ожидать чего-нибудь от этого грубого злодея, от этого сладострастного развратника и подлеца!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

(2) *Że też mogłem choć przez chwilę czegoś spodziewać się po tym ordynarnym lotrze, lubieżnym rozpustniku i łajdaku!* (J.P. Zajączkowski, 1996).

Примечательно, что *lotr* в подавляющем большинстве примеров используется тогда, когда в русском *злодей* стоит в единственном числе:

(3) *Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева, и что-де злодей его таки жаловал* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

(4) *Opiekun mój nie ukrywał, że bywałem gościem u Pugaczowa i że ów lotr traktował mnie laskawie* (Т. Stepiński, S. Pollak, 1949).

(5) *Генерал велел кликнуть ВЧЕРАШНЕГО ЗЛОДЕЯ* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

(6) *General kazał wezwać wczorajszego lotra* (Т. Stepiński, S. Pollak, 1949).

Для переводчика это не просто преступник, а гнусный, подлый человек, которому нравится совершать злодеяния, портить жизнь другим. Для такого человека злодейство становится не просто занятием, оно определяет его натуру. Это особенно хорошо видно в примерах перевода «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, в которой слово *злодей* встречается 34 раза, при этом переводчики используют 3 разных лексемы для его передачи. Когда слово *злодей* относится к Емельяну Пугачеву или к Швабрину, в польском варианте используется *lotr*:

(7) *Я выслушал его молча и был доволен одним, имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка).

(8) *Wysłuchałem go w milczeniu i zadowolony byłem z jednego, imię Marii Iwanowny nie padło z ust nikczemnego lotra* (Т. Stepiński, S. Pollak, 1949).

Два других частотных варианта перевода близки семантически – это слова *zbój* и *złoczyńca*. В словаре PWN они имеют следующие значения: ‘człowiek dokonujący napadów, rabunków i morderstw’ (букв. человек, совершающий налеты, грабежи и убийства), ‘osoba, która popełniła przestępstwo’ (букв. человек, который совершил преступление) [6]. В семантической структуре обеих лексических единиц есть компонент ‘преступление’, который также содержится в семантике русского слова *злодей*, но отсутствует в семантике слова *lotr*, в этом заключается отличие лексем друг от друга. В переводе «Капитанской дочки» их противопоставление принципиально важно, поскольку так переводчики отделяют Пугачева от его «шайки», члены которой объединены, на что указывает форма множественного числа в оригинальном тексте:

(9) *Командант, раненый в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(10) *Raniony w głowę komendant stał w gromadzie **zbojów** żądających, by im wydał klucz* (Т. Стępniewski, S. Pollak, 1949).

(11) – «**Злодеи!**» — *zakrzyчала ona в исступлении* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка). (12) – **Złoczyńcy!** – *zakrzyknęła nie panując nad sobą* (Т. Стępniewski, S. Pollak, 1949).

Примечательно, что при переводе с польского на русский слово *złodei* встречается реже и является эквивалентом для других лексем. Например, из 83 контекстов с существительным *lotr* только в одном данное слово переведено как злодей:

(13) *Chrześcijananie, skoro do nich należy Pomponia Grecyna i Ligia, nie są zapewne takimi **lotrami**, za jakich mają ich powszechnie* (Henryk Sienkiewicz. Quo vadis).

(14) *Христиане, раз к ним принадлежат Помпония Грецина и Лигия, вероятно, не такие **злодеи**, какими их все считают* (Е. Лысенко, Е. Рифтина, 1983).

Чаще русские переводчики используют эту лексическую единицу для перевода таких слов, как *złoczyńca* и *zbrodniarz*, в семантике которых есть компонент ‘преступление’. Однако польские контексты также содержат указание на некую злую натуру человека, поэтому русское слово *złodei* хорошо передает такую коннотацию:

(15) *Kobiety lubią **zbrodniarzy*** (Stanisław Ignacy Witkiewicz. Pożegnanie jesieni).

(16) *Женщины любят **злодеев*** (Ю. Чайников, 2006).

(17) *Znajdę ja go! znajdę **balamutnika tego, zwoździela, złoczyńcę*** (Eliza Orzeszkowa. Nad Niemnem).

(18) *Я его найду, найду соблазнителя, **злодея, непотребника!*** (Вукол Лавров, 1896).

Польское *złodziej* имеет конкретное значение и чаще всего переводится на русский язык как *вор*, именно эта лексема используется в 57 вхождениях (из 90):

(19) *Gotowi byli, oczywiście, wszystko, albowiem rozpoczęła się dla nich wielka gra w «**złodziei i policjantów**»* (Bohdan Czeszko. Pokolenie).

(20) *Им было все нипочем, потому что конспиративная работа была для них захватывающей игрой в «**воров и полицейских**»* (С. Свяцкий, 1965).

Поскольку данная лексическая единица является нейтральной, переводчики выбирают различные стилистические варианты для перевода, среди которых мы находим лексемы *ворюга*, *разбойник*, *ворье* и др. Такие слова имеют разговорный оттенок, поэтому их использование усиливает негативную

оценку и передает пренебрежительное отношение автора исходного текста. При этом переводчиками сохраняется исходная сема – ‘воровство’:

(21) *Konrad z Oleśnicy, ten złodziej, opóј i kurewnik, śmie mi rozkazywać?* (Andrzej Sapkowski. *Boży bojownicy*).

(22) *Konrad из Олесньицы, тот **ворюга**, пьяница и прелю... бабник, смеет мне приказывать?* (Е. Вайсброт, 2006).

(23) *Przypominali czeredę złodziei i maruderów, uzbrojonych w to, co znaleźli, a odzianych w to, co ukradli* (Andrzej Sapkowski. *Boży bojownicy*).

(24) *Они напоминали ряд **разбойников** и мародеров, вооруженных чем попало и одетых в то, что украли* (Е. Вайсброт, 2006).

В небольшом количестве примеров переводчики выбирают лексические единицы с более обобщенной семантикой, актуализируя исходное значение слова *złodziej*. В таких случаях мы обнаружили лексемы *подлюга*, *негодяй* и *злодей*:

(25) *A wy słuchajcie pilnie, będziecie tych złodziei i bękartów taić w Kromolinie, to mnie popamiętacie* (Andrzej Sapkowski. *Narrenturm*).

(26) *А вы внимательно слушайте, ежели вздумаете этих **подлюг** и ублюдков укрывать в Кромолине, то меня попомните* (Е. Вайсброт, 2004).

(27) *Tuś to przywędrował, niemiecki ryju! Twoja tu ziemia, złodzieju?* (Stefan Żeromski. *Popioły*).

(28) *Ишь куда тебя занесло, немецкая свинья! Что это, твоя земля, **злодей**?* (Е.Н. Троповский, Е. М. Егорова, 1967).

Устойчивость перевода слова *złodziej* существительным *вор* доказывает его использование во фразеологизме, который в польском и русском языках имеет одинаковую форму и содержание – *na wore шапка горит/ na złodzieju czapka gore*. Более того, в русско-польских переводах лексема *złodziej* использовалась лишь в качестве эквивалента к словам *вор* и *по-воровски*:

(29) *Что присматриваешься? Я не скрываюсь, **не вор*** (Н. А. Островский. Как закалялась сталь).

(30) *Czego się przyglądasz? Nie kryję się, nie jestem **złodziejem*** (Wacław Rogowicz, 1954).

Таким образом, мы можем говорить о том, что существительные *злодей* и *złodziej* являются мнимыми семантическими эквивалентами. Они имеют общее происхождение, однако в процессе развития русского и польского языков прошли разные пути становления семантики. В русском слове *злодей* сохранилась более древняя семантика – ‘человек, совершающий злые поступки’, поэтому переводчики подбирают такие разнообразные варианты. Если в исходном тексте говорится о человеке злом по натуре, то в польских перево-

дах доминирует слово *lotr*, если же злодеями называют преступников, то часто используется лексемы *zboj* и *zloczynca*. С другой стороны, польское *złodziej* имеет эквивалент в русском языке – это слово *вор* и его стилистические синонимы.

Библиография

1. Акуленко В.В. О ложных друзьях переводчика. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/akulenko.shtml (дата обращения 30.11.2022).

2. Хенгст К., 1977, Lehnwort – Internationalismus – Analogonim: Zur Semantik fachsprachlicher interlingualer Analogonime im Russischen und Deutschen: Н. Н. Bielfeldt zum 70. Geburtstag, [w:] Zeitschrift für Slawistik 22, s. 250–259.

3. Балалыкина Э.А. О словах с противоположными значениями в русском и польском языках // Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich / Jelitte H., Troškina T.P. (Hrsg.). Frankfurt/M: Peter Lang, 1995. С. 211–218.

4. Długosz-Kurczabowa K. Wielki Słownik Etymologiczno-Historyczny Języka Polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 884 s.

5. Словаря русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (Зипунь-Иянуарий) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1979. 363 с.

6. Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 30.11.2022).

7. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.12.2022).

8. Настольный русско-польский словарь / под ред. И.Х. Дворецкого. Варшава: Вєдза Повшєхна, 1975. 903 с.

9. Wielki Słownik Rosyjsko-Polski / Wawrzyńczyk J. Kuratczyk M., Małek E. et al. / red. Naczelny J. Wawrzyńczyk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004. 1360 s.

10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.12.2022).

**POLISH ZŁODZIEJ AND RUSSIAN ЗЛОДЕЙ
AS IMAGINARY SEMANTIC EQUIVALENTS**

© *U.S. Zagrebina*

Abstract: This article presents an analysis of the features of the use of the nouns злодей and złodziej in Russian and Polish. The research is carried out on the material of various explanatory and translated dictionaries, and data from the parallel subcorpus of the The Russian National Corpus are also involved. The aim of the paper is to identify the differences between semantically close units злодей and złodziej, to consider their translation variants into Polish and Russian. In the course of the study, the comparative method, the method of component analysis and the method of contextual analysis were used. It is concluded that the nouns злодей and złodziej, despite their common origin, are imaginary semantic equivalents. Polish złodziej has an absolute equivalent in Russian – вор (a thief), while Russian злодей has a broader ancient semantics – ‘a person who commits evil deeds’. There is no variant in Polish that accurately conveys this meaning, so translators, depending on the context, choose different translation options.

Keywords: Polish language, person, context, meaning, translation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Материалы XXXIII Международной научной
студенческой конференции
Института филологии и журналистики ННГУ

Выпуск 2

Сборник статей

11 мая 2023 года

Под ред. **О.А. Королевой**

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Подписано в печать 06.03.2024 г. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура TimesNR
Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 10. Заказ № 636. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.